

Наталья Игнатова Оса в паутине

Игнатова Наталья Оса в паутине

Наталья ИГНАТОВА

Оса в паутине

На этой двери замка не было. Зато были засовы. Широкие, толстые полосы стали. Целых три. Стальные засовы на обитой сталью двери. Смотровое окошко забрано прутьями толщиной чуть ли не в запястье.

- Он что, так опасен? - спросила Айс, разглядывая внушительную дверь.

Сопровождающий ее десятник пожал плечами:

- Ему замок открыть, как два пальца... кхе... простите госпожа. Ну, так что, пойдете? Или, может, через окошко побеседуете.

Айс потрогала висящий на шее амулетик. Дешевая медная цепочка, а на ней тонкой работы золотой ковчежец. Тюремное ведомство не пожалело денег - всем известно, что заклинания можно вплетать в любой металл, но надежнее всего золото или платина. Амулет защищал от чар. Не от магии - от магии Айс и сама могла себя защитить. А вот чары... так называют все непонятное, и не поддающееся объяснению. Тот, кого держали за стальной дверью, за тремя стальными засовами, он был чародеем.

- Мне сказали, он ни с кем не разговаривает.

- Так и с ним не очень-то, - десятник хмыкнул, - нам, госпожа, оно не надо. Наша бы воля, мы б его пасть поганую свинцом залили. Да и тогда... темнокожее лицо покривилось, вверх-вниз дернулась курчавая бородаща, честно скажу, госпожа, и тогда страшно было бы.

- Вот как? - Айс вновь коснулась амулета, улыбнулась и пошла к окошку. Чародей. Если уж стража не стесняется признаться в своем страхе, значит невольный гость и впрямь чудище невиданное.

Любопытный экземпляр.

Она заглянула в камеру. Черная бесформенная тень у дальней стены... Он? Он что, вообще не антропоморфен? Зрачки расширились, приспособиваясь к темноте, и Айс поняла, что у дальней стены стоит койка. Обычная тюремная койка, аккуратно застланная серым, даже с виду колючим одеялом.

А где же?..

Черные глаза. Огромные, по-эльфийски раскосые. В зрачках отражаются огни светильников из коридора.

- Госпожа кого-то ищет?

Айс не вздрогнула. Сумела не вздрогнуть, а вот ответить сразу не получилось. Тело подчинилось, да голос чуть не подвел. Однако она справилась, и понадеялась, что никто не заметил секундной заминки.

- Вы Тиир фон Рауб?

- Так точно, - в голосе намек на улыбку, в глазах сдержанное веселье. Хочется улыбнуться в ответ.

Он стоял совсем рядом с дверью и Айс, сквозь зарешеченное окошко, видела лишь тонкое, скуластое лицо. Смесок? Полукровка?

Она не смогла определить, какие нации или, может быть, расы сплелись в его крови. Но она заметила, что он красив, этот чародей, пугало тюремной охраны. Он красив, несмотря на недельную щетину, на разбитые, вздувшиеся губы, несмотря на ссадины, на синяк, расплывшийся от левого глаза на щеку. Интересно, это сделали при задержании, или уже здесь, в тюрьме? Что там говорил десятник?

И голос, который хочется услышать снова. Обжигающе теплый, ласкающий, как огоньки факелов, что мерцают в глубине черных веселых глаз.

Это - чудовище?

Айс подавила желание вновь коснуться амулета. Чары тут ни при чем. Просто человек за дверью оказался неожиданно... человеческим. Она готовилась увидеть опасного монстра, может быть, с зубами, когтями и в клочьях свалявшейся шерсти, а, может, еще более страшную тварь - монстра в человеческом облике. Благостного и разумного, спокойного, прагматичного, с душой, похожей на замерзшее дерьмо, и с ледышками вместо глаз.

Он ждал. Он ждал, а она грелась в его взгляде на несколько долгих секунд позабыв, зачем пришла сюда и ей от него нужно.

- Меня зовут Айс, - вымолвила наконец, - Айс фон Вульф.

- О, - он чуть склонил голову к плечу, разглядывая ее лицо, - так вот вы какая. Я представлял вас иначе.

- Как?

- Иначе, - он улыбнулся. И улыбка оказалась такой, какую Айс ожидала увидеть - открытая, искренняя, легкая.

Айс улыбнулась в ответ:

- Я тоже думала, что вы совсем другой.

- Что ж, рад познакомиться, - он легко поклонился, - вы пришли в гости, или просто посмотреть?

- Я... - она растерялась. Пришла ведь не в гости и не посмотреть, пришла составить представления о нем, как о подопытном животном. Разрешение, полученное от самого царя, давало ей право на целую серию экспериментов. С единственным ограничением - повреждения должны быть обратимыми. Тиир фон Рауб стоил денег. Эрик Тевтский готов был заплатить за своего гвардейца любую сумму, но за живого и хотя бы относительно невредимого.

Он истолковал ее молчание по-своему. И теплые огоньки во взгляде потускнели:

- Бойтесь? - совсем другая, насмешливая и чуть грустная улыбка, "просьба не подходить к куполу, животное крайне опасно".

Такие надписи, ярко-алые, броские, мерцали по периметру защитных куполов в Лонгвийском зоопарке. Айс на секунду представила себя на месте фон Рауба. Зверь. В темной и тесной клетке. И решетчатое окошко, в которое изредка заглядывают любопытные, испуганные, злые глаза.

- Я не боюсь, - она покачала головой, - просто... я шла взглянуть на вас, и ожидала увидеть совсем другое. Почему-то, - она не удержалась улыбнулась смущенно, - почему-то я думала, что вы похожи на чудовище.

- Любите смотреть на чудовищ? - спросил он, не обидно спросил, скорее, с искренним любопытством.

- Я их изучаю, - ответила Айс.

- Экзотология? - фон Рауб хмыкнул, - я полагал, вы специалист по технической магии.

Слово, такое родное, и такое чуждое для этого мира. Откуда он знает?

- Я мастер, - сообщила Айс. Если он и это поймет...

Он понял. Кивнул спокойно:

- Я тоже.

- Вам знакомо понятие Мастерства?

- Искусства.

- Да кто-то называет это так.

Они смотрели друг на друга. Он - из темноты своей клетки. Она - из широкого, ярко освещенного коридора.

- Это, - Айс потянулась к его лицу, наткнулась пальцами на решетку и отдернула руку, - кто это сделал?

Он чуть поморщился:

- Понятия не имею. Мы не знакомились.
- Здесь есть врач, почему вас не лечат?
- Меня? - снова улыбка... ему, наверное, больно улыбаться, - а зачем? Эрик со дня на день пришлет выкуп, и я стану заботой тевтских медиков.
- Но... - Айс осеклась.

Эрик, император тевтов, готов был выслать деньги в любую минуту, но царь медлил принять выкуп. Медлил, потому что она попросила хотя бы месяц на изучение редкого экземпляра. Царь прекрасно понимал, что чем позже Тиир фон Рауб вернется в армию, тем лучше.

Месяц. Целый месяц в темной, холодной клетке. Ей вновь захотелось коснуться его. Провести ладонями по лицу, заживляя ссадины, кончиками пальцев притронуться к разбитым губам.

- Я... пойду, - она отступила на шаг, поймала себя на том, что судорожно стискивает в кулаке золотой ковчежец.

- Заходите еще, - в черных глазах переливались огненные змейки, - гости здесь такая редкость. Остается беседовать с тараканами, а они немногим умнее охранников.

Айс фыркнула. Бросила взгляд на хмурую морду десятника. А когда обернулась к двери, за окошком было темно и пусто.

- До свидания, - бросила она наугад.

- До свидания, - гулко ответила тьма.

* * *

Айс фон Вульф. Айс де Фокс. Что ж, они подходят друг к другу, Лонгвиец и эта беловолосая тварь. Нет, они подходили бы друг к другу, не будь она такой замороженной. Рыба. Зубастая рыба с холодными пустыми глазами.

Она и в самом деле думает, что умеет улыбаться? Щерящийся клыками оскал - улыбка по-фоксовски. Но Лонгвиец-то зубы не показывает. А эта...

Интересно, забрасывая файерболы под колпак болида, она тоже улыбалась?

Зверь ходил по камере.

От стены к стене.

Кольцо с противным шуршащим скрежетом ездило по тросу.

От стены к стене.

К кольцу была приклепана цепь. Другой ее конец крепился к ошейнику.

Первыми до этого изыска додумались сипангцы. Но они, помнится, сделали ошейник посвободнее, и из него удалось выбраться, отделавшись ободранными ушами да болью в вывихнутой челюсти. Вынуть ее из суставов получилось легко, а вот вправить - не сразу. Маловато опыта. Собственно, до того случая, работать с лицевыми суставами как-то и не приходилось.

Сипангцы облажались. Зато уруки кое-чему на чужих ошибках научились, и склепали ошейничек тик в тик. Еще и с зубчиками по верхнему краю. Нет, жить-то они не мешают, в смысле зубчики, да и уруки, если уж на то пошло. Всякое в жизни бывает - сегодня они, завтра их. Их чаще, поэтому ребята спешат оттянуться, пока есть возможность.

Издержки профессии.

Работа опасная, зато увлекательная.

Интересно, она улыбалась?

О, да. Улыбалась. Правда, совсем не так, как здесь.

Зверь помнил голос. Он его слышал, но не отвечал. Все равно не смог бы ответить - в кабине один за другим взрывались файерболы, и все, на что он был тогда способен, это орать в голос, считая, как одна за другой отщелкиваются сгоревшие жизни. Или молчать. Мертво стиснув зубы и, опять же, считая.

Он молчал.

Потому что она слушала. Внимательно слушала.

- Ну как, пилот? - взрыв, и горящая мазутная пленка растекается по колпаку. Изнутри. -

Как летается? Паленым не пахнет?

Он молчал. Раскаленные кнопки тлели под пальцами. Паленым пахло. Со всех сторон пахло. Но это-то ерунда, это не страшно, пока есть запас жизней, пока сохраняется неуязвимость, пока...

- Почему же ты не горишь, мразь? - это она уже не ему, это она бормотала себе под нос, нисколько не заботясь тем, слышит ли ее кто-нибудь, - почему не горишь?..

И вместо огненного, под колпаком взорвался ледяной шар.

Мгновением позже кабина наполнилась водой. Холодной, надо сказать, водой, и какое-то количество жизней ушло на то, чтобы спасти болид от перепада температур. Зверь не сразу понял, что новым этапом эксперимента стала так называемая "Лужа по пояс". Забавное заклинание. Особенно, когда "лужа" по пояс сверху. А когда понял, то даже успел поразмыслить над тем, что лучше, сгореть или захлебнуться. Успел, прежде, чем вода начала замерзать.

- Да сдохнешь ты или нет? - бормотала невидимая колдунья, - ладно, птаха, проверим твои косточки на излом...

Вода, замерзая, расширяется. Во все стороны. Внутрь, между прочим, тоже.

- Больно? - интересовался холодный голос из пустоты, - больно, пилот? Что молчишь? Или ты говорить не умеешь?

И Зверь, стыдно сказать, даже обрадовался, когда болид, наконец-то, раскололся на куски, а глыба льда с замороженным в нее господином фон Раубом булькнула в реку вниз.

Оттуда его и выловили уручьи пилоты.

Положение унижительное, но лучше уж так, чем подохнуть в результате каких-то долбанных экспериментов совершенно удолбанной бабы.

И вот, пожалуйста, от стены к стене десять шагов. Кольцо шуршит по тросу. Ошейник - тик в тик. Зубчики, опять же. И Эрик не торопится выкупать драгоценного своего легата. И правильно делает. Это наука такая, на будущее: не попадайся, урод.

* * *

- День добрый, госпожа, - десятник отдал честь и указал на знакомую дверь, - вчера он шибко не в духе был, как вы ушли. Весь вечер туда-сюда бродил. Нас аж заколдобило, хоть и амулеты, и дверь чем надо прошитая.

- Почему ты думаешь, что он был не в духе? - прохладно поинтересовалась Айс.

- Ну так, оно же понятно, - десятник соорудил удивленную гримасу: ежели нас колдобит, ему, стало быть, совсем не сладко.

- Сменять вас пора, - подытожила Айс, - эмпатические аномалии могут быть чреваты...

- Боком, - тут же согласился стражник, - вот и я о том же. Мы рапорт, конечно, составили, но ежели вы, госпожа, поспособствуете...

- Я поспособствую, - Айс кивнула, обернулась к дверям, - открывайте.

- То есть, - десятник недоуменно поднял кустистые брови, - вы что же, внутрь собрались?

- Я, кажется, ясно выразилась? Откройте двери.

- Так, говорю же, не в духе он... - под "фирменным" взглядом, солдат на мгновение заледенел, и, как только смог двигаться, тут же попятился, примирительно выставив ладони: - ладно, госпожа. Конечно, госпожа. Как прикажете. Сейчас все подготовим.

Из узенькой каморки, что соседствовала с камерой фон Рауба, донеслись скрежет и поскрипывание. Что-то там куда-то наматывалось, что-то откуда-то вытягивалось. Неприятные звуки. Видимо, дверь, помимо засовов, снабжена каким-нибудь хитрым механизмом.

Нет. Навряд ли хитрым. Если верить слухам, для старогвардейца фон Рауба механизм чем хитрее, тем роднее. Якобы, он с ними договариваться умеет. Сказки, конечно. Но на пустом месте сказок не бывает, а для здешнего народа суеверия, зачастую, понятнее и ближе истины.

- Прошу вас, - десятник поклонился, - вы, госпожа, если что, так дайте знать. Мы

мигом. А то, хотите, я с вами парней отправлю.

- Не хочу, - отрезала Айс, - закройте за мной двери и оставайтесь на местах. Если мне что-то понадобится, я вас позову. Ясно?

- Так точно, - если стражник и обиделся на резкий тон, виду он не подал. И правильно. Ему по должности обижаться не положено. Ему положено приказы выслушивать и исполнять.

Айс перешагнула порог и остановилась, привыкая к темноте.

Дверь за ее спиной с тихим шорохом повернулась в петли.

Где же... Тарсграе! Да вон, впереди, две яркие точки - желтые волчьи глаза... Нет, у волков они, вроде, зеленым горят.

Ф-фу, да не все ли равно.

Он смотрит. Ждет. Чего ждет, почему не подойдет ближе?

Айс выпустила из пальцев белый пушистый шарик и тот взмыл к потолку, озарив камеру неярким, мягким светом.

- Ох, - сказала Айс. Рука ее метнулась к губам, - ох, - повторила она. И покачала головой, - извините. Если бы я знала, я осталась бы снаружи.

- Зато так я не опасен, - даже сейчас он улыбнулся. И улыбнулся, искренне, - ну, почти не опасен. Добрый день, госпожа фон Вульф.

- Добрый, - с запинкой ответила Айс.

- Я вас умоляю, не надо так смотреть, - голос его оставался мягким, чуть-чуть насмешливым, - это всего лишь необходимые меры предосторожности. Ничего страшного.

Да, наверное. Но не смотреть она не могла. Просто не получалось оторвать взгляд от прикованного к стене человека. Стальной ошейник. Стальной пояс. Стальные браслеты на запястьях. Цепочка от них пристегнута к ошейнику. А от ошейника толстая цепь уходит куда-то в темную, глубокую дыру. Как раз над его головой.

Он, кстати, совсем невысок, этот Тиир фон Рауб, чудовище из тевтских ВВС. Невысок и худощав, на взыскательный взгляд, так даже, пожалуй, слишком. Но слабым или хрупким отнюдь не кажется, скорее наоборот, впечатление от этого летуна, как он тонкого и гибкого клинка. Из тех, что рубят подброшенный в воздух шелковый лоскут.

Если бы не цепи. Тяжелые даже на вид, и такие нелепые.

- Холодное железо, - он глянул исподлобья хитрющим глазом. Одним. Второй заплыл окончательно, - суеверный вы народ, уруки.

- Иногда, - Айс подошла ближе.

Да, он совсем невысок, ниже ее на полголовы. И, оказывается, у него светлые волосы. Пепельные. Это красиво.

- Жаль вас разочаровывать, - фон Рауб покривился и вдруг, рывком, стал сантиметров на десять выше, - честное слово, госпожа фон Вульф, обычно я выгляжу несколько ухоженнее. Доказать это сейчас нет никакой возможности... - сквозь насмешку в теплом голосе впервые проглянули досада и легкий стыд, увы, вам остается поверить мне на слово.

- Я верю, - Айс разглядывала его, чуть смущаясь и напоминая себе, что она, в конце концов, ученый, а этот человек - любопытнейший экземпляр, представитель неведомого науке вида... - я верю, и даже могу себе это представить.

Ей хотелось сделать это вчера. Сегодня представилась возможность. Айс протянула руку и коснулась его лица. Увидела изумление в черном-черном, непроглядно черном взгляде.

И шепнула:

- Хочу посмотреть, верны ли мои представления.

Осторожно-осторожно. Чтобы не сделать больно. Хватит с него боли, честное слово, слишком много ее для одного человека. Самыми кончиками пальцев... Безобразный синяк. Черты лица такие тонкие, острые скулы эльфийской лепки... У кого поднялась рука?

Вот. Так куда лучше.

- Смотреть двумя глазами удобнее, правда? - она улыбнулась, впервые разглядев в

горящих черных глазах недоверие и растерянность. Ей он верил, да, верил. Он не мог поверить в происходящее, - а я думала, вы никогда не теряетесь.

Он не ответил. Опустил ресницы, длинные и острые... может, и вправду эльфийская кровь?

Может быть.

Заодно долой и щетину. Мужчины его породы, собственную небритость воспринимают болезненнее, чем, скажем, сложный перелом берцовой кости. Хуже для них, разве что, не очень свежее белье.

Губы разбиты. Больно, да? Ничего, потерпи немножко, сейчас... а этот шрам, он не от удара. Айс знала от чего остаются такие рубцы, и едва сама не прокусила губу от острой, болезненной жалости. Сейчас, когда с него слетела маска, она смогла заглянуть в его душу. В темноту, в холодную и сырую каменную тьму. Давит, со всех сторон давит, и солнца нет, нет ветра, нет даже звуков, кроме бесконечного, сводящего с ума журчания воды по холодным камням.

- Бедный мальчик, - Айс обняла пальцами его притянутые к подбородку ладони, такие узкие, красивые, длиннопалые кисти, - птаха, и косточки птичьи...

Он вздрогнул. На тонких запястьях арбалетными тетивами проступили напрягшиеся жилы. Дикий, запредельный какой-то ужас во взгляде.

Миг. И сгнуло наваждение. Погасло за опустившейся сеткой ресниц.

- Я... - голос хриплый, потерянный, - ...спасибо... право же, оно того не стоит...

- Так ты намного красивее, - она взъерошила его серебряные волосы, разве плохо? А, кроме того, если бы не я, ты бы здесь не оказался.

Ну вот. Сказала. Напомнила то очевидное, о чем оба, кажется, позабыли. Зачем?! Затем, что надо. Так надо.

- Если бы не я, - он кривовато улыбнулся, - понес меня черт за царским мерседесом... Правда, спасибо. Дерьмо! - от резкого рывка звякнули цепи, жалобно заскрипела по камню сталь, - почему здесь? Почему так? Почему ты меня спасаешь, а не я тебя. Это... - он замолчал, сжимая кулаки, слова искал и давил лезущие на язык ругательства, - это неправильно, - выдохнул наконец.

- Зверь, - удивительно легко оказалось выговорить его имя, - это неправильно, да, но не окажись ты здесь, разве ты заметил бы меня?

Горько и больно, но правда редко бывает радостной. Айс фон Вульф, Айс де Фокс - урод-полукоровка, смесок, мутант. Эльрик, ее сильный, добрый, любимый Эльрик слишком стар и слишком мудр, чтобы обращать внимание на внешность. А вот этот юный, красивый, эльфоглазый мальчик... нет, он, конечно, не стал бы кидать в нее камнями, как другие. Он лишь скользнул бы пренебрежительно взглядом и усмехнулся, поразившись такому уродству. Или по ситуации - выдавил из себя несколько холодных и вежливых слов. Еще неизвестно, что хуже. Иногда камни предпочтительнее. Тех, кто бросает, можно ударить в ответ.

- Не заметить тебя? - он покачал головой, - это ты так шутишь? Айс, я мечтал познакомиться, с того дня, как впервые о тебе услышал. Ученый, оперирующий понятиями до которых здесь не дорастут никогда, маг, работающий с материями, о которых я уже не надеялся услышать, человек, представляющий мир так же, как я... Черт, - он усмехнулся, - мне с моих знаний толку мало. Я, как видишь, приспособился, принял здешние законы и правила. Так легче. А ты живешь по-своему, и все вокруг вынуждены подстраиваться под тебя. Не заметить... Это ты не должна была меня замечать. Легат старой гвардии - не того полета птица. Самое обидное даже не это, - Зверь подвигал скованными руками, цепи чуть звякнули, - обидно то, что ты еще и женщина.

- Почему? - она улыбалась. Удивительное чувство, необыкновенное! Раньше так было только с Эльриком. Он видел в ней женщину, сильный, мудрый, древний - он видел. Но этот мальчик...

- Да нипочему, - Зверь пренебрежительно поморщился, - просто лучше бы ты была

заучившейся очкастой воблой.

- Думаешь? То есть, ты предпочел бы, чтобы здесь сейчас была такая вот вобла?

- Нет! - он поспешно замотал головой, - не надо. Ты можешь это устроить, я знаю, но... нет. Уж лучше я буду лелеять свои комплексы. Ну, там, простой пилот и настоящая леди, романтика, все дела.

- Ты не обычный пилот, - сказала Айс.

- А ты - уникальный маг, - Зверь вновь посерьезнел, взглянул настороженно и тоскливо: - что я для тебя? Объект исследований? Тема для пары страниц в очередной монографии?

- Для нескольких монографий, - поправила Айс.

Рассмеялись они одновременно.

Айс по-прежнему держала его руки и Зверь, опустив голову, коснулся губами ее пальцев:

- Ты совсем другая, чем я думал.

- Ты совсем другой, - эхом отозвалась она.

И поцелуй его был таким... болезненно-сладостным, долгим и нежным, и в груди заныло от томительной неги. Оторвавшись от его губ, Айс не сразу смогла вздохнуть.

- Иди, - попросил Зверь, пряча взгляд, - пожалуйста.

Руки его - пойманные птицы, напряглись, чуть слышно пощелкивали суставы. Айс смотрела, не могла не смотреть, как тонкие косточки словно вжимаются друг в друга. Медленно, обдирая кожу, узкие кисти выскальзывали из браслетов.

Вот почему он закован дважды: в запястьях и выше локтей.

- Не надо, - она обхватила его ладони, сжала, - не надо, Зверь. Тебя накажут за это. Я... я поговорю с царем, обещаю, он примет выкуп. Завтра или, может, через день. Не позже. Ты потерпи, ладно? Осталось совсем не долго. Ты же не хочешь вернуться домой калекой? Они ведь ждут только повода, Зверь. Чем дольше ты не сможешь летать, тем им лучше. Потерпи.

Айс поцеловала его высокий, горячий лоб. Губами притронулась к длинным, колким ресницам.

- Все будет хорошо, - прошептала уверенно.

Он улыбнулся ей одними глазами. Сквозь ласковые звездочки зрачков глядела звериная тоска.

- Все будет хорошо, - повторила Айс.

И быстро пошла к дверям.

Мохнатый шарик остался висеть под потолком, по-прежнему озаряя камеру мягким и добрым светом.

Пусть.

Сам Зверь в жизни не попросил бы ее об этом, но Айс-то знала как страшно ему оставаться в глухой и холодной темноте.

* * *

Первую минуту Зверь отчаянно отплевывался. Ее вкус, ее запах. Кажется, никогда теперь не забыть. Еще и клыки... У-у, нелюдь... Ведьма! Светильник этот. Вот дрянь! И как его погасить непонятно.

Фу.

Скривившись, он вытер губы. Понял, что руки дрожат и усталился на них с нескрываемым отвращением.

Она касалась их. Трогала своими мерзкими теплыми лапами. Тварь. Тварь... ведьма... Теперь всю жизнь не отмыться.

Зверь чувствовал себя так, как будто, проснувшись, обнаружил на лице таракана. Мерзко. До тошноты, до дрожи.

"Прекрати истерику!" - приказал он себе. И прекратил. Не то, чтобы совсем, но хотя бы дрожать перестал.

Ведьма.

Все. Хватит.

Зверь прислушался к тому, что делалось снаружи. Ведьма ушла. Осталась охрана.

А у тварюки куча комплексов, что при ее внешности, конечно, вполне ожидаемо. Получилось чуток подзарядиться. И подлечила, опять же - не надо тратить драгоценные крохи Силы на приведение себя в порядок. Может грохнуть все на светильник? Да ну его, не факт, что получится. Можно сделать хитрее.

- Все через жопу, - грустно пробормотал Зверь, - бардак в армии.

Он вздохнул, расслабился, поймал в себе слабые токи Силы. Как мало ее! Настолько привык уже работать, не считая и не оглядываясь, что собирать энергию по капле казалось унижительным.

А куда деваться? Чертова сучка чуть не ухайдакала своими экспериментами. То ей, понимаешь, горит плохо. То мерзнет хреново. То, значит, кости дробятся медленно.

Вот мразь!

- Эй, Мохнурка, - позвал он негромко.

- Чего тебе, упырь, - тут же отозвался десятник.

Ну, точно, подслушивал. Позабавился, надо думать, от души. И пусть его. Не жалко.

За "Мохнурку" в первый раз Зверь получил по зубам, да так, что показалось, вся челюсть выпала. А потом ничего. Привык десятник. Отзывается даже. Бесится, правда, каждый раз, но от него ничего другого и не требуется. Он бесится, а Зверь силы копит.

Да, к тому же, а как еще его называть, ежели он весь, с головы до ног шерстистый? Подчиненные начальника за глаза "Гладким" зовут. Льстят безбожно, потому как, они рядовые, а он - десятник. Ну, а Зверь, тот с чинами не считается. Зверь всегда правду в глаза... Ага, а Зверю за это в зубы...

- Цепиними, - он не просил и даже не напоминал. Он приказывал. Силу по капле. Здесь много и не надо, Мохнурка - человек военный, приказы выполнять привык.

Десятник - сам! лично! возник на пороге. Уставился на святающийся шарик под потолком. У десятника две программы в конфликт вошли, одна - старая: свет в камере быть не должен. Вторая - новая: цепи снять.

- Сюда, - напомнил о себе Зверь, звякнув кандалами.

Мохнурка вошел, следом за ним в дверь просочились двое рядовых с арбалетами. Перестраховщики. Ну куда, спрашивается, бедный Зверь отсюда денется? Впрочем, памятуя все сказки... из которых большая часть - правда... Делся бы, будь силенок чуть-чуть побольше.

Вот сейчас бы кандалами да Мохнурке по башке, его телом от выстрела закрыться, посмертный дар забрать... Ага. Только болт арбалетный, это вам не разрывная пуля. Болт навyleт бьет. Ему, что один Мохнурка, что со Зверем вместе. Да и второй стрелок зевать не станет. А ошейник-то по-прежнему к стене притянут.

Отступая к дверям, десятник снова взглянул на светильник.

Зверь сдержал довольную улыбку, сделал взгляд просительным:

- Нельзя его оставить? - не вопрос это, конечно - приказ. Такой же, как насчет цепей. Нельзя, мол, лампочку оставлять. Но это Мохнурка приказ слышит, а лопушата с арбалетами слышат просьбу. Робкую такую.

- Нельзя, - отрезал десятник. И вся компания вымелась за дверь.

Ну вот. Порядок. Сейчас пришлют мага, он свет выключит, и будет совсем хорошо...

- Стопор убери, - напомнил Зверь закрывшейся двери.

- Понял! - рявкнул Мохнурка.

И Зверь едва не укусил сам себя со злости. Думать надо, когда приказываешь. Меру знать. Этак в следующий раз десятник ему честь отдаст при встрече. И что тогда люди подумают?

Потом он остервенело отмывался под ледяной водой. Уруки, в общем, зверушки не злые. Отвели камеру со всеми удобствами. Через нее даже ручеек подземный протекал. Журчал, правда, зараза так нудно, что любой другой на месте Зверя через пару дней рехнулся бы. Но Зверь - он не абы кто. У Зверя психика гибкая. Зверь и не такое выдерживал.

Когда терпеть холод не стало уже никакой возможности, он оделся, забрался на койку и свернулся клубком, закутавшись в колючее одеяло.

Вот так. Так почти хорошо. Вымылся. Зубы почистил. Честно говоря, очень хотелось выскоблить себя наждачкой - тело помнило.

Гадкие, гладкие, белые лапы. Скользят по коже. Теплые. Не деться никуда, никуда не деться. Пальцы не тронь, сука!

Птаха... проверим косточки на излом... птичьи косточки...

Страшно. Страшно чувствовать свою уязвимость. Тварь, мерзкая белесая тварь, подземная рыба, безглазая... Неба не видит. Лапы ее на коже, мерзкие, гладкие лапы, теплые...

Свернувшись под одеялом, Зверь уже не пытался унять дрожь. Это пройдет. Пройдет само. Со временем.

Царь примет выкуп. Завтра. Или через день. Господи, пусть это случится завтра! Потому что иначе она заявится снова. Она придет.

Зверь уткнулся лбом в колени и закрыл глаза.

Если она придет... если она придет завтра, она уже не сможет жить без него. Только бы выбраться отсюда, а уж там, под небом, эта тварь поймет с кем связалась. Поймет. Ради этого, право же, стоило потерпеть.

- Он рехнулся, - печально подытожил Шаграт, - переживал много, вот и спятил.

- Чего переживал-то? - прогудел Мал, разливая водку. Покосился на бокал Зверя, с вызывающе безалкогольным апельсиновым соком...

- Но-но, - сказал Зверь, и показал для убедительности кулак.

Мал выдал пренебрежительное "хы", но пронес бутылку мимо, плеснув водки Падре и Каркуну.

Зверь глянул на свой кулак. Глянул на Малову ладонь, в которой утонула литровая бутылка. Пожал плечами и забрал бокал со стола.

- Чего ты переживал-то, говорю? - повторил Мал, обвел всех взглядом: ну, выпьем за баб, что ли? Раз уж и Суслик сподобился.

- Переживал он от фатальной непухи, - счел нужным объяснить Шаграт. Выпил водку. И понюхал заскорузлый кусок портянки, что таскал с собой на любую пьянку, то есть, не расставался никогда, - а непуха у Суслика была с бабами. Вот Падра скажет, Падра у нас умный, от непухи с бабами кто хочешь рехнется. А эта рыба на Суслика повелась, потому что у нее с мужиками непуха. На что хочешь спорю. На нее даже у меня не встанет. На нее только у Лонгвийца встать могло, потому что у Лонгвийца всегда стоит. На все. А Лонгвиец с ней развелся.

- Убедительно излагаешь, сыне, - кивнул Падре, похрустывая соленым огурчиком, - вот и встретились два одиночества. Суслик, покайся, неужели у тебя на нее стоит?

- Как скала, - Зверь оскалился поверх бокала.

- М-да, - вздохнул Мал.

Добрый Каркун сочувственно похлопал Зверя по плечу.

- Лечить его надо, - предложил Шаграт, - этой... уриной... терапией, да! Говорят, от всего помогает. Я уже начал. Суслик, допивай быстрее. В этот бокал я чуть-чуть долил... отлил... тьфу! чуть-чуть, короче. Надо дозу увеличить.

Простодушный Мал подавился рыжиком и долго кашлял. А Падре гулко бил его кулаком по спине. И, кажется, несмотря на духовный сан, бил с удовольствием.

Обсуждению зверского душевного здоровья предшествовала душераздирающая сцена на летном поле. Его Величество Император Тевтский продемонстрировал остолбеневшим гвардейцам сверкающий золотом "болид", который выкрали-таки у уручьего царя. Выкрали не пилоты - пехотинцы. Бессменная и Бессмертная гвардия, не разлей вода враги всем, кто летает в небе или плавает в море.

Злорадно любовавшись своими пилотами, Эрик вызвал из строя господина легата, и долго, проникновенно смотрел ему в лицо. Зверь мог поклясться, что взгляд этот нанес ему

морального ущерба на сумму куда большую, чем та, что император отдал в качестве выкупа. Честное слово, он предпочел бы этому взгляду пару недель в обществе Айс. Но Айс не было поблизости, и пришлось целую минуту сверлить глазами пуговицу на груди императорской форменки. Пуговица была костяная. Гладкая. С чуть заметной щербинкой на краю. Зверь эту пуговицу запомнил прекрасно. Она снилась ему всю следующую ночь.

- Я долго думал, легат, что бы с вами сделать, - доверительно сказал император, - посадить на губу на десять лет; заставить, наконец, жениться на всю жизнь; запретить летать на месяц... последний вариант показался мне слишком жестоким, первые два излишне мягкими. Через три недели Рождественский бал, на котором вы, с моего позволения, и с учетом вашего вероисповедания, имели право не присутствовать. Так вот, на сей раз я желаю вас там видеть.

- Так точно, - сказал Зверь, разглядывая прожилки на полированной кости пуговицы.
- Вы должны быть на балу с дамой.
- Так точно, - сказал Зверь. Прожилки складывались в замысловатый узор.
- Дама, разумеется, должна быть из высшего света.
- Так точно, - сказал Зверь, и наконец-то поднял глаза на начальство, благодарю вас, сир.

- За что? - не выдержал Эрик.
- За приказ быть на балу, сир, - взгляд у Зверя был честный-честный, наичестнейший, - моя дама будет счастлива, сир.
- Вернитесь в строй, - рявкнул император.
- Так точно!

* * *

Айс узнала о том, что царь принял выкуп лишь на следующий день после того, как Зверя с рук на руки передали тевтскому представителю. Все получилось очень быстро. Узнав о том, что Тиир фон Рауб не интересуется госпожу фон Вульф в качестве экспоната, царь, кажется, даже вздохнул с облегчением. И то сказать - миллион золотом в казне куда приятнее, а, главное, безопаснее, чем живой старогвардеец в подвале. Даже в цепях. Даже в ошейнике. Даже за тремя засовами на стальной двери.

Ну его, право же, к черту!

Деньги, судя по всему, привезли всего через пару часов после визита Айс к царю. И тут же обменяли на Зверя. И Айс поначалу не нашла в себе сил порадоваться за него, она расстроилась, чуть не до слез, как девчонка расстроилась из-за того, что не смогла попрощаться. Хотя бы увидеть еще раз. Увидеть, как он улыбается. Голос услышать.

Не получилось.

Не успела.

А теперь - все.

Зверь наверняка забыл о ней, как только поднялся на борт тевтской "платформы".

Нет. Не забыл. Не сможет он ее забыть.

Ведь было же, сейчас уже и не верится, но было. Совсем близко факельные огни в узких черных глазах. Горячие, сухие губы. Чуть заметный сердце стучает болезненно - рубчик под кожей. Такой остается, если сильно, насквозь прикусить губу. Когда больно.

"ты совсем другая, чем я думал..."

"ты совсем другой..."

Айс не умела плакать. Ни от боли, ни от досады, ни от щемящей пустоты в душе.

Айс метала ножи в полированную, сплошь покрытую тонкой резьбой двустворчатую дверь. Это успокаивало. А если кто-нибудь войдет не вовремя впредь будет наука: стучаться надо.

Три дня спустя, поздним вечером постучали не в дверь, а в окно.

Седьмой этаж... Выше покоев Айс были лишь царские апартаменты - мода такая в мире, чем знатнее, тем дальше от земли забираются. Мода на небо. На пилотов.

Но вот, снова, вежливый стук в стекло.

Погасив свет, Айс, не приближаясь к окну, взглядом распахнула створки.

- Привет, - сказал Зверь.

И улыбнулся - белые зубы ярко сверкнули в полутьме.

- Тарсграе, - только и выговорила Айс.

Прямо под ее окном висел двухместный "болид", висел чуть накренившись, потому что Зверь, ничтоже сумняшеся, сидел на борту, свесив ноги в семиэтажную пропасть.

Столица уручьего царства. Дворцовый комплекс. Этажом выше начинаются царские покои. И гвардии пилот наиболее вероятного противника, оцененный в миллион золотых, сияет улыбкой зависнув на своем "болиде" в самом центре этого осинового гнезда.

- Ты с ума сошел, - Айс подбежала к окну, - ты ненормальный, ты... нет, ты правда, сумасшедший! Что? - она недоуменно осеклась, когда Зверь протянул ей руку.

- Пойдем, - сказал он, - ты же не собираешься провести вечер в этой дыре?

- Куда? - очень умно спросила Айс.

- В Цесарру, - удивился Зверь, - куда же еще везти настоящую леди? Нет, можно в Лонгви, но я Лонгви не люблю. Впрочем, если ты настаиваешь...

- Ты хоть знаешь, сколько здесь охраны? - поинтересовалась она.

- Приблизительно. Давай руку.

- Подожди, я же не одета... Нет, о чем я вообще... Великая Тьма, Зверь, ты совершеннейший псих... Здесь опасно!

- Точно, - согласился он и глянул вниз, чуть не перевернув "болид" можно так брякнуться - по всему двору брызги. Представляешь, как завтра все удивятся? Выходит это царь с утра на крылечко, а вокруг мозги разбрызганы.

- Какие мозги? - она из последних сил старалась сохранить здравость рассудка, - были бы у тебя мозги, ты сидел бы дома.

- Да ну, - Зверь поморщился, - я из госпиталя сбежал. Дома меня сейчас во как ждут. С силовыми установками, чтобы хватать, вязать и лечить. А чего меня лечить? Я, твоими молитвами, здоров и счастлив. Они же со злости... он сделал большие глаза, большие, испуганные и загадочные, - изучать меня начнут. И нахрен замучают, - закончил буднично и печально. Оглядел ее с головы до ног: - зачем тебе одеваться? Ты и так одета.

Айс посмотрела на свои потертые замшевые штаны, на мужскую рубашку и вздохнула:

- Подожди. Я быстро.

- Ага, - проворчал Зверь, скатываясь внутрь "болида", - как же. Знаем мы это быстро.

* * *

В перерыве между полетами, стоило "Блуднице" влететь в ангар, как "болид" тут же подхватили, перевернули, вытряхнули Зверя на пол:

- Кто она? Колись, Суслик!

- А ба-боч-ка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк... - пропел Зверь, не вставая.

Оглядел склонившиеся над ним лица. Покачал головой:

- А за ней воробушек прыг-прыг-прыг-прыг...

- Та-ак, - сказал Мал.

- Он ее, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк-шмяк...

- Упорствует, - выдал Падре коронное словечко палачей-дознатчиков, придется воздействовать.

- Не надо! - сказал Зверь, - не надо воздействовать. Во-первых, я навро. Во-вторых, убегу. В-третьих, наябедничаю.

- Мне все чаще кажется, - задумчиво заметил Каркун, - что у нас теперь два Шаграта.

- Куда нам их столько? - в тон подхватил Падре, - одного и то много.

- И за что я вас люблю? - спросил Зверь.

- Ишь ты, - умилился Мал, - Суслик ведь, зверушка ведь бессмысленная, а гляди-ка, любит.

- Не бьем потому что, - объяснил чуждый сантиментов Шаграта, - а могли бы. Даже ногами.

- Не думаю, - сказал рассудительный Каркун, - Скорее уж, Суслик нас. С ним же легат Бессмертных персонально занимается.

- Это Айс фон Вульф, - сообщил Зверь.

И сам удивился, так тихо вдруг стало.

- Ты, Суслик, шутишь так? - осторожно спросил Мал.

- Не-а, - Зверь встал, - не шучу. Тема закрыта и обсуждению не подлежит.

Не подлежит обсуждению! Ну да! Весь оставшийся день, весь вечер, и, наверное, всю ночь в "Антиграве", только эта тема и обсуждалась. На разные лады, разными голосами, с выстраиванием самых разных предположений и домыслов.

Зверь в "Антиграве" не был. Его, по окончании полетов, отозвал Эрик и осторожно поинтересовался, что за дикие слухи ходят среди пилотов.

- Слухи? - удивился Зверь.

Его Величество перешел на "ты", значит опала снята, и снова можно выделяться.

- Говорят о тебе и об Айс фон Вульф, - строго сообщил император, - не ври, что не знаешь.

- А, - Зверь кивнул, - так это не слухи. Это правда.

- Зверь, - стальной взгляд Эрика стал сочувствующим, - ты в порядке? Уруки с тобой ничего не сделали?

- Да нет, - с Мохнуркой и его десятком расстались чуть ли не друзьями, - приглашали заходить еще, - все нормально, сир. Обращались хорошо, не обижали, с Айс разрешали видаться.

- Не паясничай, - попросил император.

- Не буду. Нет, правда, все в порядке.

- Айс фон Вульф собиралась... - Эрик запнулся, явно подыскивая слово поделикатнее...

- Изучать меня, - подсказал Зверь, - я знаю.

- И?

- И вот, - Зверь изобразил на лице виноватую обреченность.

Император помолчал, покусывая губу. Фамильный фоксовский подбородок угрожающе двигался вверх-вниз. Наградил же бог челюстью - иной раз завидно становится.

- Хильда говорит, ты так и не заглянул к ней по возвращении.

- Ну, - Зверь развел руками, - все как-то времени нет.

- Из госпиталя сбежать и от врачей прятаться ты время нашел, - ядовито напомнил Эрик, - значит так, Суслик, сегодня вечером мы ждем тебя на ужин. Неофициальный. Это приказ.

- Понял, - вздохнул Зверь.

Император кивнул ему и отпустил с богом.

- Ждем на ужин в качестве главного блюда, - пробурчал Зверь, в удаляющуюся спину.

Такого поворота он не ожидал. Видеться с Хильдой не было ни малейшего желания. Ну, да ладно. Не в первый раз. И, к сожалению, наверное, не в последний.

* * *

Так оно и повелось. Раз в два-три дня он прилетал, стучал в окно, и забирал ее куда-нибудь, где былолюдно, весело, шумно и на удивление хорошо. Айс до встречи с Эльриком поверить не могла в то, что ей может быть хорошо среди толпы веселящихся людей. И уж тем более, она не могла поверить, что ей может быть хорошо в таком месте не с мужем, а с веселым, и совершенно сумасшедшим чародеем. Настоящим чародеем, тварью, которая даже просто быть не имеет права.

Чем-то они походили друг на друга. Ее Эльрик, Торанго, очень старый, очень спокойный, очень опасный. И ее Зверь - совсем мальчишка, улыбчивый, безбашенный, и совершенно безобидный. Во всяком случае, пока он на земле, а не в небе. Может быть, они походили друг на друга непоколебимой уверенностью в себе. В своей силе. Потрясающей уверенностью, от которой полшага до нахальства, но... полшага. И она никогда не нарушается, эта тонкая грань, граница. И хочется, закрыв глаза, поверить самой.

И веришь.

С ним было интересно. Ей, пятисотлетней, было интересно со Зверем, которому не стукнуло еще и семидесяти. А ведь Айс всегда считала свое образование не только глубоким, но и весьма обширным. Куда там? Она разбиралась во многих вещах. Зверь, кажется - во всех.

А главное, он умел жить без магии. Совсем. Родом из мира, где магии нет, где возможны лишь чары, а все сущее подчинено жестким и немногочисленным законам математики и механики, Зверь видел жизнь в ракурсах, порой совершенно неожиданных. И Айс смотрела вместе с ним, удивляясь, как же раньше она не замечала очевидного.

Столько нового!

Но он сумасшедший. И она тоже сходит с ума.

- Перестань, - не выдержала однажды Айс, не выдержала противоречия между разумом и эмоциями. Было утро. Зверь привез ее домой и как раз собирался откланяться, - перестань. Не прилетай сюда. Давай купим дом где-нибудь в городе, лучше вообще не в столице. Там будет безопасно.

- Ты высоты боишься? - удивился Зверь, по обыкновению балансирующий на борту "болида", - если хочешь, мы можем ходить через дверь. Я хоть вспомню, как это - ногами по лестнице.

"Еще не хватало!"

Айс отчетливо представила, как он ведет ее к лифту, чинно раскланиваясь по дороге с охраняющей лейб-гвардией.

А ведь может!

- Я за тебя боюсь, - досадливо бросила она, - если тебя заметят...

- А-а, - такой улыбки видеть еще не приходилось, - это да, это серьезно, - он и вправду посерьезнел, точнее, стал загадочным, как сфинкс, замысливший мелкую пакость, - послезавтра вечером, часов в пять, как темнеть начнет, поднимись на крышу, ладно?

- Зачем?

- Увидишь.

Зверь поцеловал ее пальцы, брякнулся в кресло и стартовал, рывком машины захлопнув колпак.

Пижон!

* * *

В "Антиграв" его однажды просто приволокли. Силой.

Заботливые старперы насели со всех сторон, лезли пальцами в душу, пили водку и объясняли Зверю, какой он дурак, и как с этим бороться. Когда захмелели слегка, шуточки кончились, и обсуждение пошло всерьез. Что, вообще-то, было не принято. Потому что обсуждать женщин, своих или чужих моветон. Этого даже пехотинцы себе не позволяют. Гвардия, во всяком случае.

- Но тут случай особый, - разъяснил де Буа, примчавшийся из-за особенности случая из своего Лонгви, - во-первых, женщина у тебя - это противоестественно, а во-вторых, какая же она женщина, Суслик, она - рыба мороженная.

Буратино противоречия в собственных утверждениях не разглядел. Зверь разглядел, но указывать на них не стал. Он вообще помалкивал, сидел себе у стеночки, крутил в пальцах бокал с соком и в разговоры не вникал.

Думал.

О Хильде. Когда-то было что-то... Хильда была для него чем-то особенным. Она и сейчас особенная, но сейчас это, скорее, знание, чем понимание. Со стороны Зверя - знание. То есть, умом своим звериным осознает он прекрасно, что Хильда на весь мир одна, другой такой нет и быть не может. А чутье звериное молчит. Чутью Хильда больше не интересна.

Впрочем, с ней по-прежнему приятно поговорить. Она умна, обаятельна, в ней есть сила. И обманывать ее почти не приходится. Так, самую малость. Ту малость, которая давно уже вошла в привычку.

Жаль, конечно. И того, давнего, странного отношения к Хильде жаль. И того, что врать приходится. Удивительное дело, ситуация, которая на Земле показалось бы экстремальной, в этом мире стала нормой. Там несколько месяцев среди людей давались страшно тяжело. Маска начинала давить, ложь становилась едкой, как кислота, и единственным утешением было неизбежное убийство, ради которого все всегда и делалось. А когда случилось так, что и убивать стало некого, Зверь чуть не рехнулся. Да ладно, "чуть"! Уж самому-то себе мог бы и не врать.

А здесь он жил в окружении людей и нелюдей не первый десяток лет. Врал все время... скажем так, с некоторых пор начал врать все время. Маска... нет, не приросла, просто возможность снять ее выпадала очень редко. И цели, ради которой стоило бы терпеть все это, не было. Однако терпел. Почему? Кто знает? Может быть, потому что выбранная маска нравилась. Маски, они должны нравиться, иначе их не надеть. Но эта нравилась по-настоящему, то есть, убеждать себя в ее необходимости почти никогда не приходилось.

Может быть, он и вправду любил этих пятерых, что пили сейчас, как пилоты, ругались как пилоты, и были омерзительны, как только пилоты и умеют. Может быть, он любил их, потому что они были пилотами?

Иногда Зверю казалось, что он их ненавидит.

В последнее время, все чаще...

Сейчас он надел маску поверх маски. Так же, как делал это, встречаясь с Хильдой. Но если с Хильдой Зверь делал это больше для нее, чем для себя, то старогвардейцев он обманывал из исключительно корыстных соображений.

Свинство?

Ага. Самому противно. А что делать?

- Нечестно это, - басил Мал, для убедительности постукивая по столу кулачищем.
- Да ладно бы не честно, - змеей вползал в беседу де Буа, - тут все куда серьезнее. Речь идет о попрании традиций. Эта дрянь на святое покусилась.
- На Суслика, что ли? - Шаграт оглядел Зверя с сомнением.
- На нас, - Буратино экспрессивно взмахнул рукой, сбил рюмку, подхватил ее, не глядя, - на наши законы.

- А-а, - Шаграт глубокомысленно кивнул, - а я уж подумал. На нас. Ха! Не дадимся.

- А ведь прав Буратино, - с неожиданной экспрессией произнес Падре, - я вот сидел, дети мои, слушал вас, и сформулировать пытался. Верно все. Это отродье в небо сунулось, никаких на то прав не имея, ибо ползать рождено. Я понял еще, если бы она умела летать, или, ладно, если б она была просто приличным пилотом. Я бы понял. Законы наши никем не писаны, а значит, и следовать им никто не обязан. Но она пришла в монастырь с чужим уставом. Внутрь не попала, так во дворе нагадила...

"Ну, Падре, - пряча улыбку думал Зверь, - красиво загибаешь. Тебе бы с амвона вещать, а не за пьяным столом, рюмкой вместо потира размахивая."

Падре только сейчас сформулировал для себя то, что Зверю стало ясно еще в "болиде", в том самом, золотом царском мерседесе, который они пытались угнать. Увести. Чтобы подарить Эрику.

Зачем?

Да низачем.

Просто потому, что машина необычная, уникальная по-своему машина, всего две таких в мире. И не важно, что сделать подобную самим проще, чем красть чужую. Точнее, как раз это и важно. Кураж. "Придите и возьмите" - именно это сказали уруки, созданием золотого "болида". "Придем и возьмем" - без колебаний ответили старогвардейцы, взявшись разрабатывать план. Разумеется, вслух или письменно, в общем, вербально, никто ничего не говорил. Но вербально и незачем - все и так все понимают.

Старогвардейцы пришли за "болидом". Уруки их ждали. Ну и что? Когда это кому мешало? В общей суматохе Зверь машину поднял.

Взлетел.

Ловите, господа! Ловите ветер в поле - Зверя в небе. Ха!

Кинулись ловить. А как же? Таковы правила. Те самые неписанные законы, о которых сказал Падре.

Старая гвардия летает лучше, уроков - больше. Все честно. Все было честно, пока не вмешалась со своей магией Айс фон Вульф. Доминик сказал, что понял бы, умеет она летать. Зверь не был столь требователен. Он понял бы, вступишь она ради машины. Все-таки, ее рук детище, ее игрушка, ее подарок царю. Могло заесть, а когда заедает - все средства хороши. Даже те, что против правил.

Магия? Ну, что ж, если она так привыкла.

Но Айс, в погоне за пилотом, машину своими руками уничтожила. Выжгла изнутри. Раздавила в ледяной глыбе. Утопила остатки.

ЗАЧЕМ?!

Вот этого никто и не понял. Ни старая гвардия. Ни уруки. Ни Зверь.

Зверь - особенно.

Странная дама госпожа Айс фон Вульф.

Странная.

Познакомившись с ней поближе, дабы определить линию поведения, Зверь сделал кое-какие выводы, и прояснил для себя многие странности этой ведьмы. Он мог бы поделиться сейчас, поскольку выводы эти органично дополняли разглагольствования Шаграта. Тот, в силу особенностей воспитания, не скупился на эпитеты. Но, рано, рано. Потом, может быть. Да и то, не факт.

Айс фон Вульф. Бедная, затравленная девочка, одна против целого враждебного мира, где если не съешь ты - съедят тебя. Съедят, да еще и добавки попросят.

Суслик, счастье мое, тебе это никого не напоминает?

Не напоминало.

Хотя бы потому, что Суслик там, или нет, а страшнее Зверя на Земле зверя не было. С детства. Самого раннего.

Айс презирали.

Его - любили.

Айс ненавидели.

Его - обожали.

Айс боялись.

Его - боготворили.

Он вырос садистом и убийцей.

Айс - тоже.

Интересно получается! Нет, все-таки психология - лженаука.

Но факт есть факт, Айс фон Вульф наслаждалась чужой болью. Нет, не так, как Зверь. Зверь, он тварюшка простая, он режет кого-нибудь, и от этого тащится. Айс же получала удовольствие, сострадая. Она не умела жалеть себя (стоило научиться - хоть руки заняла бы), зато она любила жалеть других.

Она же втрескалась в него по уши, когда увидела в темной сырой, хотя, в общем, вполне себе уютной камере, такого нищасного-разнищасного, в цепях, небритого, мужественно переносящего тяжелые испытания.

А вот когда жалеть было некого, вот тогда Айс отрывала лапки кузнечикам, резала лягушек, приживляла жабры котам, и... чем еще занимаются вивисекторы под предлогом научных изысканий? Если же попадались люди...

Зверь ей попался, суке. Нашла коса на камень.

Ведьма... белая ведьма с гладкими, мерзкими лапами...

- Зверь, ты в порядке?

Он очнулся от того, что Доминик тронул за руку.

- Ты в порядке? - повторил Падре, заглядывая в лицо, - что случилось?

- Ничего, - Зверь посмотрел на раздавленный бокал, на стеклянные крошки в ладони, -

нет, я не в порядке. Именно по этому поводу у вас тут хурал.

За столом было тихо. Совсем.

- Ни хрена себе, господа старперы, - сказал Падре, оглядывая собрание, - да он же, мать его, действительно влюбился.

Шаграт открыл рот. И закрыл, когда Падре понял руку:

- Все! Заткнулись. Тема закрыта и обсуждению не подлежит.

- Спасибо, - вяло кивнул Зверь.

Благодарил он, конечно, не за деликатность, хотя именно так его все и поняли. Благодарил он за проделанную работу. Слухи пошли. Поползли слухи. Слухи дойдут до Айс. И Айс будет реагировать.

* * *

Через два дня она, закутавшись в шубку, прогуливалась по крыше дворца, в компании еще нескольких магов, и с нестерпимым любопытством ожидала, когда же пробьют пять часы на центральной башне. Маги совершали послеобеденный моцион, подпитываясь от проходившего над дворцом силового потока, и Айс вежливо поддерживала профессиональную беседу, с легким раздражением думая, что обсуждать тонкости своей работы с "тупоголовым воякой" куда интереснее. Хотя бы потому, что он во-первых, умеет слушать. Во-вторых, понимает о чем она говорит, без дополнительной расшифровки терминов.

А с первым ударом часов из чистого неба молнией высверкнул "болид". Бело-синий, хищный и страшный. Маги и Айс одновременно кинулись к парапету. Чужая машина провалилась вниз, к самой земле. Бесшумно сорвались из под днища закрученные в спираль стальные копыя, с грохотом вылетела дверь ангара с машинами дежурных пилотов. С неба уже сыпалось боевое охранение.

Охречение.

А бело-синий "болид" пронесся сквозь ангар и смазанной полосой прочертил воздух снизу вверх.

- Старогвардейцы, - обреченно сказал один из магов, - резвятся.

"Старогвардейцы", числом один, действительно резвились вовсю, от широкой тевтской души приглашая к веселью всех окружающих. Окружающие втягивались - а куда денешься? Работа такая.

С замирающим сердцем глядя на стихийную чехарду, на пляску "болидов", от которой рябило в глазах, Айс ругательски ругала Зверя, давила в себе желание в голос кричать от восторга, и где-то на краю сознания недоумевала: почему же маги бездействуют? Понятно, почему она сама ничего не предпринимает, потому что там, в небе, Зверь, ее Зверь, хвастливый как мальчишка и сумасшедший, как... как старогвардеец. Но эти-то, они-то почему стоят, разинув рты, и вместе с ней любуются рвущим небо танцем над головой?

Безумная круговерть носилась над дворцом минут десять. Потом машина Зверя сверкнула в последний раз и просто исчезла.

Испарилась.

- Фон Рауб, - тоном знатока сказал кто-то из магов. - Один. Не стрелял. Просто повыведываться прилетел. Уж не для вас ли, сударыня?

- Не думаю, - холодно произнесла Айс.

Ее собеседник лишь поднял брови и улыбнулся.

Все все знают! Все! Что за мир такой идиотский?!

Впрочем, всеобщая осведомленность в какой-то степени была даже лестной. Многочисленные и стремительно меняющиеся увлечения старогвардейцев и так-то были темой для великосветских сплетен, хотя бы потому, что эти пилоты, выскочки из грязи куда как выше иных князей, зачастую не брезговали и принцессами. Но Зверь! О, это было что-то особенное.

- Даже не знаю, что вам и сказать, - пожал плечами особист, к которому Айс, строго конфиденциально обратилась за информацией о Тиире фон Раубе. Это было еще в самом

начале их знакомства. Как раз, когда Зверя выкупили из уручьего плена, - легат чист и непорочен, как христианский ангел. Может статься, он, как ангел, бесполой. В связях с женщинами не замечен. В связях с мужчинами тоже. В обществе активно муссируются слухи о том, что фон Рауб педераст, но фактического материала у нас нет, за исключением утверждений самого фон Рауба и Шаграта, его... э-э... так сказать...

- Я поняла, - кивнула Айс.

- Он был женат, - продолжил особист, - Катрин фон Рауб погибла от рук наемных убийц. Заказчиком, не без оснований, полагали самого фон Рауба, но после ментоскопии обвинение было снято.

- Не без оснований? - повторила Айс, - можно подробнее?

В конце-концов, она выбила себе разрешение ознакомиться с документами лично. Спасибо царю. Его Величество в лепешку готов был разбиться для своего лучшего мага.

Итак, Тиир фон Рауб. Зверь. Прозвище - Суслик.

Что за манера у этих вояк награждать друг друга дурацкими кличками?

Примечание: нестареющий.

Примечание: чародей.

И значок, обозначающий крайнюю степень опасности. Смешные люди, эти шпионы.

Раса: предположительно человек.

Подданство: Тевтская империя.

Вероисповедание: дьяволопоклонник.

Айс и раньше это знала, но лишь прочитав страшное слово в официальном файле задумалась: а ведь правда.

Сатанистов в Гэте почти не было. Потому что их убивали. Как опасных диких животных. Да они и были опасны, черные колдуны, приносящие своему господину человеческие жертвы, черпающие силу в источниках, не доступных другим магам, чародеи и убийцы. Сатанистов уничтожали безжалостно. Вместе с семьями, если было хоть малейшее подозрение, что родственники тоже затронуты черной заразой.

И однако вот он, Зверь, вот документ, и черными буквами по белому фону выведено: дьяволопоклонник. Живой. Даже не считающий нужным скрывать свою страшную веру.

Айс мельком пробежала несколько строк, где упоминалось о договоре между Зверем и Эриком Тевтским, тогда еще не императором, всего лишь графом фон Эльбург. Устный договор, который никогда не был оформлен хоть сколько-нибудь официально, и о котором, тем не менее, знали все.

Зверь не приносит жертв дьяволу. Эрик оставляет Зверя в своей армии.

За строчками и между строчек было куда больше. Там была невозможная, нерациональная и наивная вера в честность черного чародея.

Там была невозможная, нерациональная и наивная верность.

До смерти и после смерти - верность человеку, который сумел поверить, или хотя бы сделал вид, что поверил. Там были пять десятков лет, в течение которых Зверь держал слово. И пять десятков лет, в течение которых император тевтский защищал своего пилота от официальных и неофициальных убийц. От чистильщиков. От всего мира, если случалась в том нужда.

...послужной список...

...войны...

...разовые операции... Ничего себе - операции! Похищение символов власти Микадо - самая первая. После этой дикой выходки старая гвардия стала тем, что она есть сейчас: шесть пилотов, один из которых в свободное от полетов время управляет империей.

...так... истероидный тип, эмоционально несдержан, впечатлителен, крайне жесток...

Айс слышала где-то, что жестокость - следствие трусости. Что по-настоящему смелые люди жестокими не бывают.

Раньше она в это утверждение верила. Теперь - перестала.

Старая гвардия.

Легкое раздражение.

Потому что кажется, что вне старогвардейцев Зверя, как бы, и нет. Кажется, что он живет лишь там, где живут остальные пятеро. Остальное математически выстроенная иллюзия существования. Все параллельно и перпендикулярно, все, как у всех, и не складывается образа, живого человека, хоть сколько-нибудь похожего на настоящего Зверя, на улыбчивого мальчишку, которого видела и знала Айс.

Где он? Где Зверь в этих сухо изложенных файлах?

Женщины?

Ага, вот она, Катрин фон Рауб, в девичестве Катрин Зельц, простолюдинка из семьи какого-то Эльбургского садовника. Два месяца была любовницей Зверя... сбежала...

Почему?!

Она вообразила себе, что Зверь собирается ее убить. Ну, как же, сатанист! Как его угораздило связаться с такой идиоткой?

Полтора года Зверь искал эту дуру по всему миру.

Искал ее, или своего сына? Катрин была беременна.

Полтора года! Весь мир вверх дном из-за какой-то кретинки! Да подумаешь, сын! Зверь, слава богу, не шефанго. Неужели дело в женщине?

Любовь?

Катрин погибла через три года после замужества. Хм, замужества. С точки зрения христиан, она и замужем-то не была. Жила во грехе...

Почему в убийстве подозревали Зверя? Почему Катрин решила, что он хочет ее смерти? Что там, черт побери, было на самом деле?.. Ладно, это на потом, с этим можно разобраться позже. Главное - дальше. Главное, это то, что после смерти Катрин, то есть сорок лет, четыре десятилетия, у Зверя не было постоянной женщины. Ни одной. Раз в месяц - дом терпимости. И все. Зверь даже не скрывал, что с удовольствием обходился бы без этого, но... куда деваться, есть такая страшная штука - гормоны.

И вдруг она, Айс, и его "болид" за окном, и плевать на охрану, и ради нее сумасшедшая чехарда в небе над царским дворцом, и огоньки факелов в черных глазах, и удивленно перешептываются люди, и женщины смотрят не то с завистью, не то с сочувствием, и... Сорок лет Зверь не достаивал своим вниманием никого. А сейчас...

Эльрик когда-то выбрал ее из многих. Он любит женщин, ее могущественный и мудрый господин, он любит их, как любят вино, музыку, книги или картины. Мимолетно. Один раз попробовать, послушать, прочитать, взглянуть... Если что-то привлекло, показалось чуть интереснее, что ж, можно задержаться. Айс стала единственной, кто задержал Торанго надолго. А потом и навсегда. Это льстило ей, было приятно, чуть щекотало нервы. Это делало ее особенной. Лучшей.

А Зверь не выбирал, не пробовал, не одаривал даже взглядом - просто не замечал. Не желал видеть женщин. Не желал знать, нужны ли они для чего-то, кроме как для успокоения гормональных всплесков. Зверь... Это даже не льстило, это... чуть-чуть пугало. А еще было радостно. Очень.

- Почему? - спросила однажды Айс, позабыв про строгий уговор молчать во время полета, - почему я?

Зверь лишь молча посмотрел на нее. И улыбнулся. И почему-то Айс захотелось, чтобы он никогда больше не улыбался так.

Раса: предположительно человек...

Предположительно.

Он удивительно скуп на ласку, на поцелуи и прикосновения, на тонкую игру осязательных паутинок, которыми так легко опутывать женщин. Но его глаза, голос, слова, от которых то вздрагиваешь, сладостно и жарко, то взрываешься искрами, то просто нежишься, паришь, как пушинка в солнечном ветре, ни о чем не думая, просто слушая его, слушая, слушая...

Он не спешит. Чудесный, деликатный, удивительно чуткий. Ласковый, насмешливый,

колючий и нежный. Он не спешит. И за это Айс была ему благодарна. Она не готова... нет, еще не готова. Хотя, уже скоро. Все идет к тому, легко и естественно. И когда это случится, это будет прекрасно. Ново. И чисто. Не измена - любовь. Ведь можно же любить двоих? Эльрик наверняка сказал бы, что можно.

* * *

Она не готова... еще не готова. Хотя, уже скоро. Все идет к тому, легко и естественно. И когда это случится, это будет прекрасно. Ново.

Единственное, что было трудно, это касаться ее. Маска удерживалась с трудом, из под нее, с рычанием, такое рвалось - самому страшно делалось. Впрочем, если все и дальше будет развиваться по сценарию, до физической близости дело не дойдет. Контролировать себя до такой степени просто не получится. Зверь до сих пор вздрагивал, вспоминая единственный визит Айс в его камеру... Теперь-то, слава богу, он не был скован и беззащитен, но Суслики - тварюшки впечатлительные, с тонкой душевной организацией. Одного раза им, Сусликам, хватает обычно надолго, если не навсегда.

Эта ведьма сама не представляла насколько она опасна. Как данность принимала свою нечеловеческую силу, подвижность, скорость реакции, невероятную, почти пилотскую координацию. Принимала как данность, да еще и работала над своим телом почти также безжалостно, как над образцами в лабораториях. Усиливала мышцы. Повышала скорость прохождения нервных импульсов. Изменяла состав кожи, превращая ее постепенно в настоящую броню. Нежизнеспособная помесь орка и человека, она ваяла себя по образу и подобию не то шефанго, не то вовсе "супер-хomo" - легендарной, скорее всего, сказочной разработки Вотаншилльских лабораторий.

Она собой гордилась.

И не стыдась хвасталась успехами.

Зверь слушал. Запоминал. Делал выводы.

Два сердца... продублированная кровеносная система... состав крови... легкие... строение костей...

Слушал и понимал, что шансов против этого у него нет, не только в прямой стычке - вообще нет.

Зверь чувствовал себя пауком, поймавшим здоровенную осу. Только паук, наверное, был бы не рад - тут ведь неизвестно, кто добыча, он, или страшная тварь, завязшая в паутине. А Зверь был доволен.

Кураж.

Это не только в небе, это и на земле возможно.

Кураж.

Виток за витком тонюсенькие нити паутины. Виток за витком. Подойти ближе, коснуться лапами, и тут же - в сторону, подальше, переждать, пережить инстинктивный ужас, и вновь приблизиться, накинуть еще одну нить, еще одну петельку.

Интересно.

Он привязывал ее к себе, приучал, и всех вокруг приучал к тому, что Айс фон Вульф, Айс де Фокс - его, Зверя, женщина и добыча. Чтобы на Рождественском балу, - господи, как же он ненавидел все эти развеселые тусовки! - уже никто ничему не удивлялся. Чтобы Айс чувствовала себя комфортно. Чтобы поверила в себя и в него окончательно и навсегда.

Паук. И оса. Непонятно только, что нашел в ней Лонгвиец? Зато понятно, почему он с ней развелся. Это ж такая тварь! Ее кто хочешь испугается.

* * *

- Какая она была? - спросила Айс.

- Кто?

- Катрин.

В черных глазах Зверя мелькнуло что-то, как будто снова вспыхнули в темноте огоньки факелов. Айс успела подумать, что, наверное, затрагивать эту тему не стоило. Как видно, сорок лет - недостаточный срок, чтобы воспоминания стали просто воспоминаниями.

- Она была сильной, - легко сказал Зверь, - она любила меня.

- А ты?

- Она мне так и не поверила, - он весело хмыкнул, - знаешь, очень умная была женщина. Страшная смесь разума и интуиции. Катрин прекрасно умела пользоваться и тем и другим, в сочетании и по отдельности.

- Не поверила, - повторила Айс, - но она ведь стала твоей женой?

- Нет, - Зверь качнул головой, - хотя, видит бог, когда-то я хотел этого.

- Как же?..

- Да вот так, - он смотрел на нее с чуть насмешливым пониманием, - она жила в моем доме, она воспитывала моего сына, и она не была моей женой. Мне нельзя верить, госпожа фон Вульф, - произнес чуть нараспев, - нельзя. Я убийца. Вы видели в файле пометочку: крайне опасен?

- Просьба не подходить к куполу, животное крайне опасно, - улыбнувшись, вспомнила Айс.

И вспомнила, как погасли огоньки в глазах Зверя, там, в тюрьме, когда он решил, что она боится его.

И вспомнила договор с Эриком Тевтским...

- Тебе нужно так немного, - произнесла она почти шепотом, - просто, чтобы верили, да?

- Лирика это все, - Зверь выдавил пренебрежительную ухмылку, - нам, татарам, все равно.

- А я тебе верю, - просто сказала Айс.

На следующий день ей пришло приглашение на Рождественский бал в замке Его Величества Императора Тевтской империи Эрика I. И, кажется, даже царь обзавидовался. Потому что его, царя, к императору тевтов уж точно никто не пригласил. Выкуп за старогвардейцев нужно принимать, когда предлагают, а не две недели спустя. Его императорскому величеству Эрику Тевтскому здоровье и безопасность старогвардейцев куда важнее, чем взаимоотношения с наиболее вероятным противником.

- Ну как тебе здесь? - сказал Зверь с такой гордостью, как будто сам выстроил императорский замок и своими руками создал всю обстановку, нравится, да?

- Умопомрачительно, - призналась Айс.

Сбежав от толпы, они бродили по одному из зимних садов, в негромком свистении птиц и журчании фонтанов.

Замок и вправду был великолепен. Он не насчитывал еще и полусотни лет, и выстроен был по проекту самого Исхара И'Слэха, легендарного архитектора, создателя Лонгви, Либревилля, Эльбурга, и Эредола - самых прекрасных городов в Гэте, да и не только здесь. Айс бывала во многих мирах, и могла сравнивать.

Замок был великолепен. Люди, что собрались здесь на Рождественский бал, были под стать замку. Начиная с хозяина, и заканчивая ректором магического института Холланго. Даже старогвардейцы, которых Айс заочно невзлюбила, оказались на высоте. Все они были с ней крайне вежливы, а вежливость отца Доминика, была, кажется, даже искренней.

Да, здесь было хорошо.

Но очень скоро Зверь увел ее от людей, от шумного и веселого сборища, где все знали всех, и сильные мира сего запросто общались с сильнейшими, и она, Айс, была на равных с ними, и уж, конечно, далеко позади оставила всех присутствующих дам. Потому что дамы эти были, так, лишь приложением к своим спутникам. А она, о, она блистала сама по себе. Айс фон Вульф - сильнейший из магов в этом мире. И не только в этом.

Зверь увел ее. По неярко освещенным галереям, мимо картин и статуй, по драгоценному паркету, по гладкому мрамору, в полной тишине, в уютной и ласковой полутьме.

"Сегодня", - поняла Айс. И сердце забилося часто-часто.

- Отсюда есть выход в "карман", - сказал Зверь. На плечо к нему села крохотная птичка - яркий цветок на стального цвета парадной форме.

Зверь поднял руку, и птаха перепрыгнула к нему на палец. Она не боялась. Ни животные, ни птицы не боялись его, это Айс заметила давно. Они его любили, осторожные, пугливые, чуткие, любили это чудовище, с пометкой "крайне опасен" в личном деле.

Когда-то Айс сравнила его с птицей. Тонкокостный, легкий, летающий ну, кто он еще.

И сейчас она улыбнулась, глядя на Зверя, и на яркий комочек перьев, курлычущий у его лица:

- Птаха. И за что тебя Зверем назвали?

- Сусликом, - напомнил он, - назвали Сусликом. Зверь - это имя. А Суслик - это звучит гордо. Страшнее Суслика, чтоб ты знала, твари нет и не будет.

- Почему?

- Ты у них зубы видела? - хмыкнул Зверь, - а когти? А прячутся как! И хвоста нет - не поймашь.

- Ладно, - покладисто согласилась Айс, - как скажешь. Что за "карман"?

- Мы испытываем там новое оружие. Хочешь взглянуть?

- А... можно?!

Все мысли о романтике тут же вылетели из головы. Знаменитый Полигон, место, где Эрик Тевтский проводит боевые испытания. Все знали, что выход туда где-то в императорском замке, сколько шпионов погибло, пытаясь вывести хоть какие-нибудь подробности! Сколько магов отдали бы душу за возможность хотя бы одним глазком взглянуть, что же там, что там, на Полигоне. А ей... просто предлагают.

- Можно, - легко кивнул Зверь, - со мной можно.

Он махнул рукой и птица взлетела. Повисела рядышком несколько мгновений - яркие крылья трепетали радужными полусферами. Потом исчезла. Растворилась в густой зелени.

- Там интересно, - Зверь взял ее под руку и повел через сад, - тебе, я думаю, будет особенно интересно. Ты понимаешь в этом больше, чем все здешние маги вместе взятые. Кстати, там есть оружие с моей родины. Потрясающие модели, я их люблю почти так же, как свой "болид". Только, они не работают. Магия, потому что. Дурацкие какие-то условности.

- А диспел? - удивилась Айс, - я слышала, на Полигоне есть мощный диспел. Разве нет?

- Есть, - кивнул Зверь, - мы его редко включаем.

- Включишь? - попросила она, - ну, пожалуйста, а? Мне так хочется увидеть все. А немагическое оружие, намного интереснее, чем магия. Принципы другие совсем. Это то, что я сама ни за что не смогу придумать. Только посмотреть и попробовать разобраться.

- Ты не боишься? - спросил он с легким недоверием.

- Чего?

- Безмагии.

- С тобой? С тобой я вообще ничего не боюсь. Зверь, пожалуйста!

- Все, как ты захочешь, - пообещал он, касаясь губами ее волос возле уха, - все, как ты прикажешь.

- Ловлю тебя на слове, - рассмеялась Айс.

Повернула к нему лицо, но Зверь уже открывал тяжелые двери:

- Пойдем, тут через двор пара шагов, и туда.

- Все очень просто, - объяснял Зверь, что-то нажимая, чем-то щелкая, что-то куда-то вставляя.

Айс это вовсе не казалось простым, но она внимательно смотрела, запоминала, слушала незнакомые слова: порох, капсюль, боек... обойма, ага, обойма, это понятно, взрыв - ну, тоже ясно.

- Вот так, - сказал Зверь очень буднично. Улыбнулся.

Айс узнала улыбку. Ту, страшную улыбку.

Успела узнать.

И выстрелил.

* * *

Все-таки, автомат Калашникова, штука, хоть и устаревшая, но действенная. Особенно,

если разрывными. Да в голову. Хоть ты тридцать три раза маг, хоть ты тысячу раз хомосупер, а череп у тебя все равно взорвется - любо дорого посмотреть.

Так и получилось.

Зверь для верности всадил еще обойму в ее грудную клетку. Удостоверился, что оба сердца разбрызгались, перемешавшись в неаппетитную кашку с легкими и осколками кости.

Потом сходил за огнеметом.

Потом он долго сидел на каменистой земле, рядом с оплавленным пятном, смотрел на небо.

И улыбался.

Ему было хорошо.